

21:21

未来
永远
爱

21:21
命运
迷迭

命运

18+

Мия Имперская

Мия Имперская

21:21

«Автор»

2026

Имперская М.

21:21 / М. Имперская — «Автор», 2026

Она думала, что бежала от человека. Оказалось — от судьбы, которую написали за неё задолго до рождения. Полина Смирнова строила жизнь по правилам выживания: работала, молчала, никому не доверяла. Но одна ночь в московском офисе переворачивает всё. Сон с кристальными дворцами, голос древнего правителя и ощущение, что её тело помнит то, чего разум никогда не знал. Когда преследование становится ближе, чем тень, остаётся только одно — исчезнуть. Сменить имя. Начать с чистого листа. Но от себя не убежишь. А от пророчества — тем более.

© Имперская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13

Мия Имперская

21:21

Глава 1

Глава 1. Любая игра начинается с первого хода.

5:18.

Тишину разорвал сухой стук в висках.

Голова гудела, будто внутри работал отбойный молоток. Во рту — кислый привкус желудочного сока, дешевого виски и собственной глупости. Язык был шершавым, как наждак. *Классика*. Сглотнув, Полина скривилась. *Боль это просто боль. Перетерплю.*

Не с первой попытки, но все же она открыла глаза.

Темнота, привычные силуэты офисной мебели. И — о, чёрт — тяжелая мужская ладонь на талии. Пальцы впивались в бок сквозь ткань. Уверенно, как у хозяина положения. Внутри всё сжалось... от усмешки.

Снова вляпалась.

Но красиво. И опасно...

Настолько, что репутация могла сгореть к обеду.

Тени от жалюзи ложились на пол полосами, равномерно разделяя комнату на свет и мрак. Пылинки, танцующие в узком луче, падали прямо на его запястье.

Полина поймала краем глаза бледное сияние циферблата. Швейцарские часы застыли на 21:21. Механизм не врал. Он просто остановился. Стрелки замерли, похоронив эту ночь.

Воздух в кабинете стоял спертый. Насыщенный ароматом чужого парфюма — дорогой, древесный, с нотами табака, специй и ванили с примесью вчерашнего алкоголя. Запах чьей-то власти и её падения. Тут же рядом на столике лежал её телефон. Экран треснул, паутина сколов беспощадно расползлась, батарея мертва. *Ай, пофиг.*

— Лежи спокойно.

Шепот прямо в ухо. Голос Маркова. Низкий, ровный, слишком спокойный для человека, который только что проснулся.

— Ты у меня.

Мгновение — и она замерла.

Кровь прилила к лицу, затем отхлынула, заставив нервы звенеть, как натянутые струны. Резкий поворот — и чужое владение сброшено. Ткань скользнула по коже, открывая зябкость.

Полина села, не пряча глаз. Подбородок вздернут вверх — вызов. *Пусть смотрит.* Но внутри всё сжалось. Ситуация вышла из-под контроля. И это вызывало злость. Желудок скрутило в тугую, болезненный узел.

Перед ней был он. Тот самый Павел Андреевич Марков. Ходячая легенда компании, человек, чей взгляд в коридоре заставлял всех сотрудников закрыть рты и отпустить голову. Только сейчас легенда выглядела потрепанной: мятая белая рубашка, пуговицы расстегнуты, обнажая уязвимую плоть там, где обычно находился бронированный костюм. Волосы — *Блин, у него вообще бывают растрепанные волосы?* — падали на лоб. Тени под глазами выдавали бессонную ночь.

Но зрачки... они были прежними. Темными, пронзительными, считающими её, как сложный документ. Уголок губ дрогнул — не улыбка, скорее интерес хищника, почувствовавшего сопротивление.

— В смысле, как? — выпалила Полина. Голос прозвучал слишком громко в тишине. Мысли тут же приняли позицию защиты: *ничего странного, всего лишь просыпаюсь в обнимку с заказчиком. Бывает.*

— Вчера закрыли китайцев. Контракт подписан, — отчеканил он, не меняя позы. Тон — сухой, отчетливый, будто на планерке. — Вы решили отметить в переговорной. Потом тебе стало скучно. Ты захотела увидеть город... с 21-го этажа. В чём мать родила. Пришла сюда. И... задержалась.

Память отказывала, возвращая лишь обрывки. Через отрицание всплывали кадры: её смех, громче обычного, его рука, помогающая взобраться на стол. Гладкая прохлада полированного дерева под бедрами. Холод льда по спине... И ещё что-то. То, что она не могла вспомнить, но помнило тело.

— Ты, между прочим, танцевала на моём рабочем столе, — добавил он, отследив ее вопросительный взгляд в сторону массивного кожаного кресла. — Но на записи этого нет. Не переживай.

Цифровая память стерлась. Осталась только аналоговая — в царапинах на его спине от её пальцев.

Горишь, Полин, тупо горишь.

Её внутренний голос всегда был честным. И циничным. Но странное дело — внутри не было паники. Там, под слоем похмелья и стыда, шевелилось нечто иное. Любопытство. И вызов. Опасный. Смертельно опасный.

— Повторим? — Вопрос от него прозвучал как очередное деловое предложение. — Но на этот раз — без титулов и в более непринужденной обстановке.

Его рука двинулась медленно. Давая время отстраниться. Палец скользнул по ключице. Кончик обжигал, оставляя невидимый след.

Играть в скромность? Ну уж нет.

Она не дернулась. Приняла игру. В голове что-то переключилось. Всё, что было до этого момента — её аккуратная жизнь, её правила выживания уличной кошки — осталось в «до». Начиналось «после». И в этом новом раунде правила диктовал он. Или она?

Нет. В этом «после» законы устанавливали оба.

Но в итоге кто-то обязательно проиграет.

Оттолкнувшись от дивана, Полина рывком встала. Пол встретил её прохладным ковром толщиной в палец. Такой стоил больше её месячной зарплаты. *Идиотизм*, — мысленно усмехнулась она. — *Кому вообще нужен ковёр с ценником в пять нулей?* Она не завидовала. Просто знала, сколько ночных смен и доширака стоит такая роскошь. И плевать она хотела на того, кто это купил.

Инстинкт заставил проверить сумку. Ключи, деньги, флешка. Все на месте. Туда же, с досадой, закинула свой сломанный телефон.

Затем пальцы наткнулись на пуговицу платья. Застёгнута криво. *Даже с этим не справилась*. Одно резкое движение — и пуговица выровнена. Юбка одёрнута. Порядок.

— Есть хочу. Умираю с голоду, — бросила она, глядя прямо на него.

Павел поднялся, как ленивый кот. Пуговица за пуговицей. Снизу вверх. Щелчок запонок на манжетах. Всё. Маска босса встала на место ровно за тридцать секунд.

Полина ощутила: того мужчины, кто провел с ней ночь, уже нет. Вместо него — директор. Аккуратный. Чужой.

— Поужинаем сегодня? — сказал он, глядя на неё. — «Миме». В восемь.

Она молча кивнула соглашаясь. Не прощаясь, развернулась. Шаг. Второй. Третий. Дверь закрылась за ней с мягким щелчком.

Коридор пуст и беззвучен, будто офис вымер после апокалипсиса. Шаги гулко отдавались в бетонной пустоте. Камера наблюдения в углу медленно повернулась, следя за ней красным глазом. Шаг не ускорился. В голове стучало: *Ну ты влипла, Смирнова*. Но на губах сама собой возникла кривая усмешка. Беззвучная. Оскал. *«И плевать»*.

Всё потому, что сироты не играют по правилам. У них нет тыла для отступления. Только два варианта: либо вырываешь победу зубами при любой возможности, либо растворяешься в воздухе.

Двери лифта сомкнулись бесшумно. В полированной стали застыло её отражение: растрепанная, в помятом платье, но с прямым, уверенным взглядом. Не жертва. Игрок, поставивший всё на карту.

Пальцы сжались в кулак, потом разжались. Суставы тихо хрустнули. Не контроль. Готовность.

Игра началась. И на этот раз ставки были слишком высоки, чтобы проигрывать.

Глава 2

Глава 2. Без сцен и сценариев.

Совместного быта не было. Слова «мы» не существовало. Будущее не обсуждалось — ужин решался за два часа "до" одним сообщением: «Твоя. 20:00».

И всё же — они были парой. Той самой, что становилась предметом офисных сплетен:

— Ну ты даёшь, Полина...

— С Марковым? Да он же айсберг!

— Ну и как он в постели? Огонь или лёд?

Полина усмехалась, грея о кружку пальцы.

— А ты у него спроси, — отвечала, даже не глядя на собеседниц.

Дальнейшие разговоры тут же исчерпывали себя.

Первый месяц стал для них экспериментом. На грани фола.

Встречи происходили без слов. Павел приезжал после десяти. Ни звонка. Ни сообщения. Три глухих удара в дверь.

Она открывала. Он входил. Пальто летело на крючок.

Руки находили её сразу — жёстко, без предварительной ласки. Не спрашивал, хочет ли она. Не ждал, пока разденется сама.

Молча брал.

У стены. На холодном полу. На кровати — не раздевая до конца. Быстро. Жадно. Себе, не ей.

Ни поцелуев в губы. Ни томных взглядов. Он даже не смотрел в глаза — только на тело. Руками тискал, пальцами вминался в кожу, оставляя красные следы.

Она не возражала.

Ей было достаточно того, что он давал: дорогой ужин раз в неделю, подарки, доступ в его мир. И секс — неплохой, пусть и без нежности. До оргазма она обычно доводила себя сама.

Он не задерживался. После — сразу в душ, потом к двери. Иногда даже не прощаясь.

— Я поехал.

И хлопок.

Полина оставалась в мятой простыне, смотрела в потолок и думала о своём. О работе. О деньгах. О том, что это удобно — не влюбляться, не ждать звонков, не ревновать.

Он не был её мужчиной. Он был её проектом.
Статусным. Дорогим. Временным.
А она для него — телом. Удобным. Без обязательств.
Так работало. Без грубости. Без нежности. Просто — сделка.

Второй месяц.

К еде добавились ночёвки.
Не цветы. Не игрушки.
Только то, что она любила. Удон из Mume. Десерты, каких она не могла позволить себе.

Он приезжал — не только затем, чтобы раздеть и взять. Иногда просто закрывал глаза рядом. Спал? Она не знала. Но утром его подушка была смятой.

Уходил всегда рано. До её будильника. Ни спасибо, ни обещаний.

В этот раз она проснулась, когда он уже одевался. Задержал на секунду взгляд на её сонном лице, наклонился, поцеловал в висок.

— Срочный вызов в суд. Поспи ещё, — бросил на ходу, застёгивая манжету.

На столе — его чашка. Нетронутая. Налил, но не выпил.
Она опустошила не смакуя. Горько. Черно. Лёд растаял, оставив на дне капельку.

Когда пустая кружка коснулась раковины, пришло осознание: привычки запомнены. Два кубика льда. Никакого сахара. Эти данные весили больше, чем проведенная с ним бурная ночь.

К шестому месяцу в её шкафу появились его рубашки.

Не забытые — оставленные. Сначала одна, потом другая.

— На завтра, — говорил он, бросая на стул.

Она не спрашивала, когда он их заберёт. Он и не забирал.

Встречи тоже изменились. Первые месяцы были звериными. Теперь стало иначе. Он приезжал — и первым делом садился рядом, брал за руку, узнавал, как день. Потом медленно, пуговица за пуговицей, расстёгивал. Не срывал — раздевал.

Прелюдия растягивалась на час. На два. Пальцы, губы, горячее дыхание на ключицах. Он изучал её заново.

Когда он входил — медленно, почти нежно, — она забывала, где они находятся. Мир сужался до его плеч, до сбитого дыхания у самого уха, до тяжести ладоней на талии.

Его животное желание никуда не делось. Просто научилось ждать. И это было страшнее и слаще, чем любая грубость.

Потом — тишина.

Лежание в свете ночника, расчерчивающего простыни полосами, перерастало в разговоры. О законах. О глупых клиентах.

Однажды его рука скользнула по её бедру. Прохлада пальцев вызвала мурашки.

— Ты никогда не спрашиваешь, где я провожу дни, — сказал он.

— Ты никогда не спрашиваешь, с кем я ещё сплю, — парировала она, выпуская сигаретный дым в темноту.

Голова повернулась медленно. Шея хрустнула. В предраассветном свете его глаза казались чёрными. Как обсидиан. Как циферблат часов, которые он не снимал.

— Умная, — произнёс без улыбки.

Его рука скользнула между ног. Властно. Без предисловий. Тяжесть ладони — как печать.

— Но это лишний вопрос. Ты ни с кем.

Не ревность. Констатация. Будто ему открыт доступ к её телу на уровне фактов. Или ложь чувствовалась кожей. Он видел насквозь. Это било по нервам — унижительно и возбуждающе. Она сжимала простыню и ненавидела его за эту уверенность. И себя — за то, что не могла её опровергнуть.

Девятый месяц. Всё стало механизмом.

Отношения сузились до двух точек: квартира и потребность.

Секс остался главным языком. В нём было всё: злость, скука, отчаяние, колючая привязанность, которую прятали за механической точностью движений.

Кто он на самом деле, она не знала. Но факты накапливались, собираясь в лавину.

Часы останавливались на 21:21, стоило ему уснуть. Стрелки замирали, будто время отказывалось течь рядом.

Сон мертвый. Без дыхания. Грудная клетка не поднималась. Будто рядом лежала не человек, а идеальная пустота, выточенная из льда.

Глаза в темноте мерцали синевой, несвойственной этому миру.

Но ей было плевать. Она запрещала себе об этом думать.

Выбрала иллюзию. Сладкую. Оглушающую. На плоти. На вздохах.

Его желание каждый раз как в первый заглушало голос инстинкта, шепчущий, что рядом что-то не так.

Хотелось верить: пока игра продолжалась, контроль принадлежит ей.

Но в глубине души Полина знала: ставки выше, чем просто сердце, которое билось слишком быстро, предчувствуя бурю.

Одиннадцатый месяц — момент, когда чуть не сорвалась. Трещина дала о себе знать.

Приезд поздний. Запах дождя и города. Он вошёл молча, не раздеваясь. Просто обнял — слишком крепко, до хруста в рёбрах. Лоб прижался к её плечу. Дыхание тяжёлое, неровное. Руки дрожали.

— Мне нужно, чтобы ты была здесь, — прошептал. Голос сломанный. Чужой.

«Здесь» — в моей квартире? В его жизни? Или просто в этом мире?

Вслух она не спросила. Щелчок ремня на его брюках. Взгляд в упор, с вызовом.

— Тогда докажи, что я тебе нужна не просто для этого.

Он молчал. Смотрел долго, не моргая. Лицо — каменная маска. Потом взял её руку, поцеловал запястье — там, где бился пульс. Губы обжигали.

— Я не прошу оставаться. Просто... не уходи. Тихо. Почти беззвучно.

Она поняла: он не про секс. Он про неё — как будто она стала для него чем-то большим, чем ночь. Местом, где можно быть собой. Где не нужно быть сильным.

Она промолчала.

Но ночь изменилась.

Он не брал — он удерживал. Медленно, почти молитвенно. Каждое касание — как «не отпускай». Она закрыла глаза и провалилась в него — не телом, а чем-то глубже. Оргазмы накатывали не волнами, а обрывами — она теряла сознание на секунды, приходила в себя, снова падала. Дважды. До слёз. До сухого, беззвучного крика в подушку.

Он не отпускал.

Утром ушёл без слов. Осторожное прикосновение холодных сухих губ к ее виску. Скрип двери. Тишина.

Она выждала три часа. Набрала сама. Впервые.

— Ты где?

Пауза. Его дыхание в трубке — спокойное, уверенное.

— Везде, где ты скажешь.

Она прикрыла глаза. Это не ответ. Это клятва.

«Ты мой», — думала она. Ощущая присутствие на коже, даже когда между ними километры, стены, чужие лица. Невидимая нить натянулась до предела.

Это ловушка. Иллюзия свободы. Дверь клетки закрылась так тихо, что она не услышала щелчка замка. Ключ был выброшен. Но искать не хочется. Снаружи — холод. Здесь — тепло его кожи, ставшее необходимым, как воздух. Добровольное удушье ради тепла.

Глава 3

Глава 3. Гудок. Два. Три. Абонент временно недоступен.

Полина пришла на вечеринку не ради тусовки, а ради контракта.

Хозяйка, Алиса, PR-менеджер престижного ресторанного холдинга, была её новым потенциальным заказчиком. За перевод меню для гастро-фестиваля могли заплатить хорошо. Вежливость требовала: «приду на час, выпью бокал, уйду».

Образ на вечер — не для того, чтобы нравиться, а чтобы запомнили. Чёрное платье-футляр с высоким воротом спереди и открытой спиной до самого копчика. Достаточно строго, чтобы не выглядеть доступной, и нарочно откровенно, чтобы привлечь потенциальных заказчиков. Она не флиртует — делает ставки.

Павла здесь быть не должно. Их негласное правило: никаких совместных выходов в свет. Он оставался её тенью. Она — его тайной. Так было выгодно. Для неё.

«Отлично, — подумала она, снимая пальто. — Правила всё ещё работают».

Первый час прошел гладко. Она обменялась парой фраз с журналистом из Vogue, позволила оператору с «Мосфильма» принести ей выпивки, отшутилась про «особенности перевода любовных сцен» — все смеялись, никто не лез с дурацкими вопросами.

Полина чувствовала себя в своей тарелке.

Ситуация была под контролем. Всё шло по плану. А потом ей захотелось воздуха. Балкон стал идеальным вариантом.

Первый поток свежести донес до нее то, к чему она уже, казалось, привыкла.

— ...представляешь? Целый год уже тянется! — заливалась хрипловатым смехом девушка в бархатном комбинезоне. — Говорят, он даже кольцо купил, а она не взяла. Мол, вся такая независимая.

— Да брось, — фальцетом подхватила вторая, с розовым коктейлем в руке. — Кто поверит, что Марков вообще способен влюбиться? Он же всех подряд... Ты Лерку из аналитики видела? С ней уже третий месяц что-то не то. Вчера их в «Арагви» видели — он её на своём Range увёз. Ясное дело куда и зачем.

— А я слышала, список пополнился еще одной, новенькая из HR. Молоденькая, глупенькая. Он их, как часы, коллекционирует видимо.

— А эта... как её... Полина? Наивная, что ли? Думает, она особенная, раз он с ней год кувыркается.

Полина замерла в дверном проеме. Пальцы непроизвольно сжались на ножке бокала.

Она могла развернуться. Уйти. Сделать вид, что не слышала. Но такие как она не прячутся, когда их бьют в спину. Они разворачиваются и бьют в лицо.

Сделав глубокий вдох, выдох. Одним глотком до дна. Только потом шагнула вперёд.

Разговоры оборвались.

На неё смотрели — Алиса, «бархатная», девушка с розовым коктейлем, ещё несколько лиц знакомых и не очень.

Полина подошла прямо к ним, улыбнулась. Широко, беззубо, как на фото.

— Так вы уверяете, что Марков мне изменяет? — голос прозвучал ровно, почти весело.
— Забавно. И кто из вас какая по счёту?

На балконе повисла тишина, густая и липкая.

Уже через мгновение её прервали нервные смешки.

— Ой, давай только без драмы!

— Все же знают, какой он...

— Знают? — Полина подняла бровь. — Предпочитаю факты. Здесь и сейчас.

Бархатная с вызовом достала телефон, пролистала галерею и сунула экран ей под нос.

— Держи. Вчера. «Арагви». Двадцать два семнадцать.

На экране: Павел. Рядом с ним — юная блондинка в коротком серебристом платье и его кашемировом пиджаке, смеется, держится за его руку. Он открывает дверцу своего автомобиля, помогает ей сесть внутрь.

Это не жест коллеги. Не вежливость.

Это жест собственника. Или того, кто очень хочет им казаться.

Полина досмотрела видео, не моргая. Внутри всё разбивалось на осколки. Но лицо не дрогнуло.

Медленно, почти церемониально, она достала свой телефон. Набрала его номер.

Не для них. Для себя.

Ей нужно было услышать его голос. Услышать: «Это не то, что ты думаешь». Хотя бы на секунду — поверить.

Гудок. Два. Три.

Абонент временно недоступен.

— Упс... А в ответ — тишина, — подытожила девушка с розовым коктейлем, усмехаясь.
— Ха-ха... классика.

— Похоже, кто-то на скамейке запасных, — подхватила вторая, в бархатном комбинезоне.

— А может, он не один, и ему просто не до тебя? — вставила третья с притворным сочувствием. — Бедняжка. Такое бывает...

Смешки. Переглядывания. Ухмылки, полные ядовитого злорадства.
Контракт с Алисой сгорел вместе с её достоинством. Но ей было всё равно.

Не оправдываясь. Окинула их одним взглядом — отстраненным, пустым, без единой искры. Развернулась и вышла. Спина прямая, подбородок вздёрнут. Без оглядки.

Ей не нужна была их правда. Тишина в трубке сказала больше, чем любые слова.

Удар ночного холода отрезвил лучше любой пощечины.
Она шагнула в темноту, оставляя за спиной насмешки и проигранную партию.